

А. М. Скворцов
СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург/
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. artyom-
skvortsov@yandex.ru

«САМА ПО СЕБЕ СОВОКУПНОСТЬ ТРУДОВ МОГЛА БЫ ПОЗВОЛИТЬ ПРИСУДИТЬ... СТЕПЕНЬ ДОКТОРА»: ЗАЩИТА С. Я. ЛУРЬЕ ДИССЕРТАЦИИ В 1944 г.¹

В статье рассматривается защита докторской диссертации по филологии С. Я. Лурье 11 марта 1944 г. на Ученом совете в эвакуированном в Саратов Ленинградском государственном университете. В ней автор стремится реализовать историко-филологический подход и обосновать метод датировки афинских трагедий, заключающийся в выявлении в произведениях драматургов аллюзий на конкретные политические события V в. до н. э. Эту диссертацию, оставшуюся неопубликованной, следует рассматривать именно как квалификационное сочинение, потребовавшееся Лурье для перехода на филологический факультет.

Ключевые слова: ЛГУ, антиковедение, история классической филологии, Лурье, античный театр, диссертационная культура.

A. M. Skvortsov
S. I. Vavilov Institute for the history of science and technology, RAS, St. Petersburg/
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. artyom-skvortsov@yandex.ru

“The totality of the works alone could allow the awarding of a doctoral degree”: S. J. Luria’s defense of his dissertation in 1944

The article discusses the defense of the Doctoral Dissertation in Philology “Artistic Form and Issues of Modernity in Attic Tragedy” by S.Y. Luria (1891–1964), which occurred during the Great Patriotic War on March 11, 1944. The debate took place at a meeting of the Academic Council of Leningrad State University, which had been evacuated to Saratov. The speakers were B. M. Eichenbaum, I. M. Tronsky and I. I. Tolstoy. Contemporaries viewed Luria’s act as “unconventional”, given that he was already a doctorate in historical sciences and the head of the department of history of ancient Greece and Rome at LSU. The thesis has the nature of an essay and is dedicated to identifying references in Athenian tragedies to specific historical events from antiquity. In this thesis, the author attempts

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ 23-28-00240 «Мобилизация древней истории: институциональные трансформации и советский военно-исторический нарратив 1941–1945 гг.».

to combine a historical and philological approach, updating his methodology, which he believes allows for the most accurate dating of the performance of the plays themselves. To do this, Lurie argues that the appeal to politics can be combined with the demands of “artistry” in Athenian tragedy. The content of the thesis reveals several new trends in humanities during wartime. One such trend is the noticeable weakening of ideological pressure. The author, like his opponents, emphasizes the continuity with the pre-revolutionary studies of the St. Petersburg School of Classical Philology — the school founded by F. F. Zelinsky. In his autobiography, Lurie mentions his pre-revolutionary teachers and mentions his publications in foreign journals, emphasizing his high level of expertise and the international nature of classical studies. It was dangerous to talk about publications in German-language journals in the 1930s. In general, S.Y. Luria’s dissertation in philology can be considered as a qualifying piece of work for further admission to the faculty of philology. I. M. Tronsky’s review is relevant in this regard. The opponent expressed skepticism about the “allusions” identified by the applicant in Greek tragedies, describing them as “hypothetical”, but emphasized the large number of Luria’s publications in classical philology. The totality of these publications, in itself, makes the author worthy of a doctoral degree. However, the dissertation itself remains unpublished.

Keywords: LSU (LGU), classical studies, history of classical philology, Luria, ancient theater, dissertation culture.

11 марта 1944 г. на заседании Ученого совета филологического факультета ЛГУ, находившегося в эвакуации в Саратове, состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии», выполненной С. Я. Лурье. Многими коллегами-современниками такой поступок оценивался как «эксцентричный» (Luria 2004: 171). Действительно, к этому моменту соискатель уже имел степень доктора исторических наук, полученную в 1935 г. по совокупности трудов, а с 1939 г. он занимал пост заведующего кафедрой истории Древней Греции и Рима ЛГУ. В научных кругах широкую известность ему принес ряд монографий («Антисемитизм в древнем мире», 1922; «Антифонт», 1925; «История античной общественной мысли», 1929; «Теория бесконечно-малых у древних атомистов», 1935), переводы «Греческой истории» Ксенофонта, а также отдельные «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (1940), учебное пособие по истории Древней Греции (1940), десятки статей, в том числе в авторитетных немецких изданиях. Опубликованные им работы выявляют его приверженность историко-филологическому подходу. Показательно, что в своей

филологической диссертации Лурье высоко оценил ученых конца XVIII — первой половины XIX вв. (Маркланда, Барнезиуса, Бека, Дройзена) за универсализм, с сожалением при этом отметив, что «в наше время история и филология — это два различных цеха» (Luria 1943: 11).

В 1930-е гг. Лурье предпринимал попытку устроиться на кафедру классической филологии, но О. М. Фрейденберг, тогда заведующая этой кафедры, ему отказала под тем предлогом, что он больше историк, нежели филолог. Вероятно, докторская диссертация по филологии нужна была Лурье в качестве формальных оснований для работы на филологическом факультете (Zhud 2016: 14). По крайней мере, его переход сначала с поста заведующего кафедрой античной истории на ставку профессора этой же кафедры в сентябре 1945 г., а затем, через четыре месяца, на должность профессора кафедры классической филологии был добровольным.

На решение Лурье защитить диссертацию по филологии мог повлиять и ряд обстоятельств военного времени. В *curriculum vitae*, составленном по случаю проведения научного диспута, он напишет, используя глагол в пассивном залоге, что «в августе 1941 г. был эвакуирован [курсив мой — А. С.] в Иркутск» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 13). На самом же деле ленинградский антиковед в столицу Восточной Сибири уехал по собственному почину еще до официальной эвакуации академических институтов. Доказательством этому являются делопроизводственные документы Ленинградского отделения Института истории АН СССР, где есть строчка об отчислении его из института 19 августа 1941 г. именно по личному заявлению (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1(1941). Д. 1. Л. 88). Но в Иркутске он оставался недолго: за доклад «Предшественники фашизма в античности» руководство университета подняло вопрос о сочувствии Лурье гитлеровскому фашизму (Luria 2004: 162–163; Krikh 2020: 214–215). Спасла телеграмма-вызов от вице-президента АН СССР в Москву для написания юбилейного доклада в сборник в честь Ньютона, благодаря чему и случилось его возвращение в академический институт истории в январе 1943 г., но уже в столице (СПбФ АРАН. Ф. 876. Оп. 2. Д. 21. Л. 1 об.). В эвакуированный в Саратов Ленинградский университет он приехал только в сентябре этого же года, хотя специалиста-антиковеда очень ждали коллеги, поскольку не имелось лектора для чтения курса по истории Древней Греции и Рима (Skvortsov 2023a: 133).

Требования к самим же диссертациям в период Великой Отечественной войны довольно сильно упали, как и общий их научный уровень (Skvortsov 2024), причем, даже в Москве, чего не мог не заметить Лурье. Показательной в этом отношении являлась защита докторской диссертации А. В. Мишулиным 8 июля 1943 г. в Институте истории АН СССР: историку-партийцу, «выдвиженцу» конца 1920-х гг., диспут был необходим для обеспечения признания его научных заслуг в сообществе антиковедов (Skvortsov 2019: 305–307). О «прорывном» характере полученных соискателем выводов по вопросу исследования древней Иберии говорили все специально подобранные оппоненты (В. В. Струве, А. Б. Ранович, А. В. Арциховский). Однако в мемориальных статьях 1950–1970-х гг. вклад Мишулина в антиковедение сводился в большей степени к перечислению его организаторских заслуг, а о диссертации, если и упоминалось, то в контексте тяжелых условий войны, в которых она готовилась (Klyuev, Metel 2022: 945).

С. Я. Лурье олицетворял собой тип настоящего ученого, но все же следует признать, что и он, вероятно, не преминул воспользоваться снижением требований к квалификационным сочинениям в военное время. В связи с этим обращают на себя внимания два обстоятельства. Я. С. Лурье в воспоминаниях об отце лишь кратко упоминает о диссертации (Luria 2004: 171). Показательно и то, что она осталась неизданной: только в 1950-х гг. на тему политических тенденций в афинских трагедиях С. Я. Лурье опубликует две работы (Luria 1954; Luria 1958), где будет уже более осторожен в своих оценках. Так, один из важных выводов диссертации — датировка «Андромахи» Еврипида. Трагедия, по мнению соискателя, относилась к 411 г. до н. э. (Luria 1943: 234). В статье 1954 г. он выскажется более осторожно: после 412 г. до н. э. (Luria 1954: 128).

Историю создания квалификационного сочинения Лурье на высшую ученую степень позволяют установить ряд архивных документов, а также некоторые замечания в самом тексте работы. Название — «Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии» — предполагает, что автор рассматривает всю совокупность дошедших до нас трагедий, однако в действительности диссертация представляет собой ряд очерков. Первая глава, посвященная теоретическим рассуждениям («историко-литературные prolegomena»), освещает следующие вопросы: политические намеки и художественность, авторская работа над мифологической традицией, подходы к

датировке трагедий. В оставшихся трех главах анализируются конкретные тексты на предмет поиска в них аллюзий на актуальные события античной истории. Вторая глава посвящена политическим тенденциям «Евменид» Эсхила, третья — отражению событий Архидамовой войны у Эсхила, четвертая — намекам в трагедиях на политические реалии 411–405 гг. до н. э. Выбор сюжетов для изложения по сути оказался случайным. В «Предисловии»² к диссертации С. Я. Лурье признается, что в итоговый вариант диссертации не был включен уже законченный сюжет об «Агамемноне», поскольку, будучи в Саратове, узнал о схожих выводах, сделанных ранее И. Г. Дройзенем, публикации которого на эту тему оказались недоступными. В окончательный текст не вошел разбор «Прометея» Эсхила и «Царя Эдипа» Софокла, поскольку, как утверждает соискатель, в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве не оказалось ряда статей, вышедших на эту тему в последнее время за рубежом. В результате в диссертации Лурье дал разбор почти всех трагедий Еврипида (за исключением трех т. н. «аполитичных» пьес), «Евменид» Эсхила и «Филоктета» Софокла (Luria 1943: 8–9).

Очевидно также, что 2–4 главы имеют в большей степени характер исторического исследования. Это признает и сам автор, предупреждая читателя о возможной «неудачной структуре» текста. Лурье оправдывается тем, что изначально он планировал написать именно исторический труд. Действительно, первые наброски по этой теме, судя по сохранившимся материалам по подготовке к диссертации, относятся к 1940 г.³ Только в последнюю очередь была добавлена первая глава, где дается разбор возникших по ходу изложения историко-литературных проблем (Luria 1943: 9). Причем, эта глава, как и «Предисловие», вероятно, были написаны на скорую руку. Внимательный читатель заметит в них не соответствующие научному стилю слова и выражения («злбодневщина», «бросив к чорту меч» и др.), а также стилистические погрешности («мне удалось, как мне кажется») и излишнее привнесение автором личного начала: воспоминания о том, как автор первый раз увидел на сцене пьесу Гладкова «Давным-давно» и как у него пропало

---

² Так у С. Я. Лурье называется «Введение», где он формулирует проблему исследования.

³ В деле имеются заполненные требования в Библиотеку Академии наук, датированные 1944 г. (СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 109).

после этого ощущение «нехудожественности» и тенденциозности, которые он испытывал при первом прочтении этого произведения.

В сохранившемся в Научной библиотеке СПбГУ экземпляре диссертации с 243 страницы отсутствуют цитаты из источников на древнегреческом языке, которые Лурье вписывал от руки, вместо них — лишь пробелы. Остались неоформленными, с той же 243 страницы, и ссылки на иностранную литературу: имеется только порядковые номера. В диссертации нет таких разделов, как «Содержание», «Заключение» и «Список литературы». Изложение теорий в литературоведении относительно предмета исследования в первой главе осуществлено довольно поверхностно. Последнее стало предметом критики Б. М. Эйхенбаума, который утверждал, что соискатель упростил вопрос, поставленный В. Кранцем относительно трагического поэта, кратко и неубедительно решил проблему соотношения античной эстетики с современной (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 16 об.–17). В совокупности формальные и содержательные недостатки диссертации свидетельствуют, вероятно, о некоторой поспешности при ее написании.

В «Предисловии» С. Я. Лурье отметил, что писал эту диссертацию в Иркутске и в Москве (Luria 1943: 8). Судя по сохранившимся требованиям, оформленным в читальный зал Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина, все же наиболее интенсивное время ее написания: февраль–март 1943 г. Эти требования имеются в объемном архивном деле (545 листов), содержащем, кроме них, выписки из аттических трагедий на древнегреческом языке и иностранной литературы (в основном, немецкой), библиографические карточки — комплекс документов, иллюстрирующих подготовительный этап работы Лурье над докторской диссертацией (СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 109). Некоторые листы сгруппированы по темам: «Эсхил», «Софокл и Аристофан», «Еврипид». Встречаются как несистематизированные выписки, так и сгруппированные по определенному принципу: «Знатность» (Л. 58), «Богатство» (Л. 59), «Боги, теодицея, свобода воли» (Л. 59 об.), «Полемика с социализмом» (Л. 60), «Женский вопрос, дети и семья» (Л. 61), «Софистика и борьба с ней» (Л. 61 об.), «Патриотизм» (л. 62 об.), «Безопасность человеческой жизни» и «Сверхчеловек» (Л. 63), «Рабы и свободные» (Л. 64). Совокупность отложившихся в архиве документов позволяет описать творческую лабораторию докторанта: сделав выписки из отдельных трагедий, он распре-

делил цитаты по проблемному принципу, добавив сюда интерпретации, встретившиеся в современной научной литературе. Затем Лурье сразу формировал текст, набирая его, вероятно, сразу на печатной машинке, — показательно, что черновики отдельных параграфов и глав самой диссертации в этом объемном деле не встречается.

Чтобы усилить филологическую составляющую диссертации, С. Я. Лурье первую главу посвящает теоретическим изысканиям в этой области. В частности, во втором параграфе он опровергает мысль ряда ученых, идеализирующих античных драматургов, что всякого рода политическая агитация нехудожественна, и трагики, как великие художники, не могли допустить подобных сюжетов у себя в пьесах. Соискатель доказывает, что аллюзии на актуальную повестку дня у драматургов вполне могут быть частью «художественного». В 3-м параграфе 1-ой главы он специально уделяет внимание методам работы Еврипида по актуализации мифологической традиции (синкретизм мотивов, дублирование, мотивированная замена) и приходит к выводу о виртуозной комбинации версий мифов драматургом: «Еврипид достигал нужного ему результата, выбирая из существующих различных версий каждый раз ту (часто принципиально мало популярную), которая больше всего подходила его цели, прибегая к античным приемам, придумывая детали, не противоречащие мифологической традиции. Поэт не изменял миф по своему усмотрению. Он виртуозно комбинировал версии мифов» (Luria 1943: 72). Наконец 4 параграф призван был еще более актуализировать проблему поиска аллюзий на конкретные политические события в афинских трагедиях. Критически разобрав способы датировки драм, встречающиеся в научной литературе (на основе изучения эволюции художественных приемов трагических поэтов; на основе изучения эволюции мировоззрения поэтов; на основе пародий на постановки трагедий, содержащихся в аттической комедии), он подытожил, что если дата трагедии не дана в схолиях, то основным приемом для датировки является непосредственное изучение текста с целью обнаружить в нем намеки на актуальные для времени постановки пьесы политические события. Другие способы датировки, по его мнению, несостоятельны (Luria 1943: 80–81). Тем самым Лурье актуализирует общественное значение театра в античности. Вместе с этим заметим, что сформулированная в исследовании цель более подходит для классического исторического иссле-

дования: «извлечь из творения великих греческих трагических поэтов материал для восстановления истории Греции V в.» (Luria 1943: 3). К своим научным достижениям автор относит новую интерпретацию ряда сюжетов, «которые не только освещают уже известные нам из истории факты с новой неожиданной стороны, но и дают возможность постулировать новые факты, до сих пор вовсе не известные» (Luria 1943: 3). Ценным он считает определение им даты вхождения Сигея в состав Афинского морского союза — после 458 г. до н. э. (традиционная дата в историографии — 478 г. до н. э.). Кроме того, проведя анализ трагедий, Лурье выступил против мнения в западноевропейской историографии об Эсхиле как поэте аристократии и охарактеризовал его как «демократа». Другой вывод диссертанта — примирительная позиция Эсхила по отношению к реформам Эфиальта. Анализ трагедий «Гераклиды» и «Молящиеся» позволил соискателю заключить, что Еврипид являлся умеренным демократом, был против агрессивной внешней политики. Другими словами, в труде Лурье органично соединились несколько исследовательских направлений: выявление социально-политических характеристик общественных классов, литературоведческий и исторический анализ.

Своему диссертационному исследованию С. Я. Лурье стремится дать приемлемую теоретическую рамку, которая была бы одобрена членами ученого совета, состоящего из специалистов самых разных областей. Выход был найден не в комбинации в выгодном порядке цитат из «классиков» марксизма⁴, а в актуализации аттических трагедий через схожесть условий, в которых многие из них были поставлены — военные действия между Афинами и Спартой — с переживаемым в настоящем времени моментом. С. Я. Лурье в самом начале диссертации обозначает свой подход: для правильной трактовки трагедий Еврипида, написанных в период войн, надо «проникнуться как можно глубже теми настроениями, которыми жили афиняне эпохи Пелопоннесской войны <...> В настоящий момент, когда мы переживаем войну, так потрясшую все основы нашей жизни, как Пелопоннесская война жизнь афинян, нам это легче всего сделать» (Luria 1943: 32). В другом месте соискатель

---

⁴ Кстати, из всех «классиков марксизма-ленинизма» лишь К. Маркс единожды удостоился у С. Я. Лурье упоминания: соискатель был солидарен с К. Марксом в том, что Эсхил — «ярко выраженный тенденциозный автор» (Luria 1943: 20).

прямо говорит, что для понимания «Андромахи» Еврипида читатель должен перенестись в обстановку 411 г. до н. э. или сходную с ней, а до 1941 г., по его мнению, это было почти невозможно. Ту же мысль можно встретить и в более эмоциональной тональности: «В лихорадочные моменты государственной жизни, во время тяжелой войны, когда самое существование государства в опасности, зритель воспринимает, как высокохудожественное то, что читателю другой, мирной эпохи покажется “хриплонаторванным иступленным криком помещанного”» (Luria 1943: 33). Здесь прослеживаются, на наш взгляд, идеи, сходные с философией и теорией познания В. Дильтея. Немецкий философ был убежден, что основной метод в изучении наук о духе, к которым относится комплекс наук о человеке, — «вживание», тогда как в науках о природе применяется метод объяснения — исследование происходит путем восхождения от частного к общему. Другими словами, чтобы постичь человека исторической эпохи, нужно непосредственно прочувствовать его социальную действительность во всех ее проявлениях. В этом отношении и творения поэтов, по Дильтею, могут быть поняты только в контексте культурных взаимосвязей: «Ведь сюжет, мотив, человеческие характеры всякого выдающегося поэтического творения обуславливаются как жизненным идеалом, мировоззрением и общественной действительностью того времени, в котором оно возникло, так и наоборот — всемирно-историческим перенесением и развитием поэтических тем, мотивов и характеров» (Dilthey 2000: 366). Культура здесь выступает всеобъемлющим понятием. В ней происходит объективация духа. Важное наблюдение Дильтея: бесчисленные образы культуры обнаруживают в разные эпохи общие линии, поскольку люди испытывают одни и те же проблемы, а значит, принципиально возможно изучать историю через вживание.

Выдвинутый Лурье тезис призван был актуализировать защиту диссертации по античной литературе в годы войны. Так, один из оппонентов Лурье Б. М. Эйхенбаум цитирует упомянутые выше строчки из диссертации, причем никак их не комментирует, но приветствует «современность» как «методологическую основу для решения общего вопроса о соотношения художественности с тенденциозностью» (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 16 об.). Вместе с тем в них нельзя не увидеть попытку соискателя выйти за рамки экономического детерминизма. Другие же оппоненты были более осторожны в отноше-

нии заявленного соискателем теоретического подхода. Например, И. М. Тронский, эмоционально высказавшись о немецком вторжении в Советский Союз, констатировал заслуги Лурье в пересмотре некоторых выдвинутых в науке положений относительно аттических трагедий, но со скепсисом высказался о поисках «политических намеков на злобу дня», вносящих элемент субъективности (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 19 об.). Больше же внимание Тронский, как и третий оппонент И. И. Толстой, уделил оценке сделанных соискателем наблюдений.

Заметим, что Лурье не идет по пути многих своих коллег, нещадно разоблачавших фашистскую науку и видевших в прошлом лишь те задачи, которые ставила переживаемая в тот момент борьба с фашистскими захватчиками (см., напр., о такой тенденции в диссертациях по истории: Skvortsov 2023b: 152–161). Представители научного сообщества филологов-классиков даже в годы Великой Отечественной войны смотрели на такие параллели со скепсисом, говоря о них даже иронически. Приведем строчки из письма И. М. Тронского Е. А. Миллиор от 23 декабря 1942 г.: «Все ожидали мы приезда Солом[она] Яковлевича, но он что-то не едет и поживает на своих иркутских лаврах, расправившись с Платоном и Аристотелем, к[ото]рых он произвел в античные предшественники фашизма» (Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор 2000: 79). Актуализировав через современность тематику своей диссертации иным образом, чем это было тогда принято, С. Я. Лурье перешел к вопросам научного характера.

Выявленные же Лурье «аллюзии» в трагедиях представляли собой наиболее уязвимое место в диссертации. Очевидно, что материал художественных произведений, в основе которых лежат мифологические образы, трудно однозначно соотнести с определенными историческими событиями. И. М. Тронский вполне резонно назвал довольно гипотетическим утверждением, что в провозглашаемом в «Евменидах» принципе родства детей только с отцом, но не с матерью, можно усматривать полемику Эсхила с «проектом» (sic!) радикальных демократов, направленного против аристократов закона, об исключении из состава афинского гражданства тех лиц, которые происходят от брака афинского гражданина с негражданкой из другой общины (в будущем известен как закон Перикла 451/450 гг. до н. э.), либо что в приводе пленного Еврисфея в «Гераклидах» содержится намек на события под Сфактерией 425 г. до н. э. Не

согласен был оппонент и с трактовкой 457 ст. «Андромахи», где говорится о неоднократном превращении Менелая «из сухопутного бойца в плохого моряка», как намек на события после октября — ноября 412 г. до н. э., когда спартанцы завели собственный флот. Нельзя, по мнению Тронского, видеть в перемене настроения Тесея в «Молящихся», когда афинский герой отказывает Адрасту в помощи, отражение эволюции позиции самого Еврипида (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 20–21).

Ни в отзыве Тронского, ни в отзыве Толстого нет намеков о соответствии выдвинутых в диссертации положений марксистско-ленинскому учению. Квалификационное сочинение оценивается через используемый метод, мастерство анализа текстов и умение формулировать доказательные утверждения. Так, Толстой, соглашаясь со многими выдвинутыми утверждениями, критикует Лурье, в основном, за некорректный перевод отдельных древнегреческих слов и фраз и в неожиданном русле развивает мысль о схожести взглядов Алкивиада и Еврипида. По мнению оппонента, эта схожесть не ограничивается вопросами военной политики, но «корениться могла в принципиальной общности бессознательных, инстинктивных *культурно-исторических* [курсив мой — А.С.] заданий обоих» и этих двух знаменитых афинских граждан следует рассматривать как предтечу эллинистической эпохи (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 30).

Тронский, как, кстати, и Толстой, в водной части изображает Лурье как широко известного ученого, не только в пределах СССР, но и за рубежом, а само исследование соискателя представляет как продолжение «традиции нашего университета», где изучение античной драмы занимало важное место в студиях Ф. Ф. Зелинского и его учеников. Тем самым современный диссертанту советский этап научного поиска не противопоставляется дореволюционному. Последний включается в общую последовательную канву развития античного литературоведения в Советском Союзе, признаются и актуализируются его достижения. Переосмысление прошлого науки способствовало общее идеологическое послабление в военное время⁵, а также внимание пропаганды к победам русского

---

⁵ Исследователи по истории советской пропаганды уже отмечали исчезновение из идеологии, патриотического языка периода Великой Отечественной войны коммунистической составляющей (Livshin, Orlov 2007: 15).

оружия во времена императорской России и Древней Руси. Линия преемственности прослеживается, по Тронскому, в нацеленности Лурье на установление, дополнение, исправление, истолкование античных текстов, а также в сочетании глубокого исторического знания эпохи с литературоведческим анализом (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 18 об.).

Помимо самой диссертации, свидетельствующей о ряде новых тенденций в науке военного времени, важно обратить внимание и на сопутствующие квалификационному сочинению документы в диссертационном деле, частности, на автобиографию. Ее структуру и содержание задает общественно-политический и культурный контекст, влияющий на модель самопрезентации. Презентация ученого в относительно кратком *curriculum vitae* строилась на перекрестии двух основных дискурсов: первый исходил из традиционных (идуших с дореволюционных времен) представлений о процессе формирования научного деятеля, второй складывался из пропагандируемого советскими идеологами образа советского гражданина и ученого. В диссертационном деле Лурье содержится автобиография соискателя (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 12–13), обращающая на себя внимание не только в связи с подробным изложением автором всех перипетий своей научной карьеры, но и с рядом других обстоятельств. Во-первых, соискатель изображает себя пострадавшим от царского режима («не имея возможности вследствие ограничений для евреев поступить в Могилевскую гимназию<...>») и одновременно своеобразным борцом с этими несправедливыми порядками. Несмотря на гонения по национальному признаку, ему не только удалось поступить в гимназию, но и закончить ее с золотой медалью. Он трижды упомянул свои отличные оценки: в связи с окончанием прогимназии, затем гимназии и, наконец, в связи со сдачей экзамена по греческому языку в Виленском учебном округе. Во-вторых, Лурье посчитал нужным перечислить своих учителей: С. А. Жебелева, М. И. Ростовцева, Ф. Ф. Зелинского, И. И. Толстого, несмотря на известный факт эмиграции двух из них. А в диссертации Зелинский назван «крупнейшим классическим филологом», наравне с У. фон Виламовицем-Меллендорфом (Luria 1943: 82). Очевидно, соискатель позиционирует себя тесно связанным с научными традициями именно дореволюционного антиковедения, периода взлета русской науки о классической древности. Об этом же свидетельствует и намеренное упоминание своей первой публикации о

херсонесской надписи в «Журнале Министерства народного просвещения». Наконец, в-третьих, Лурье посчитал безопасным упоминание о своих «регулярных» (sic!) публикациях в иностранных журналах. Появление подобной строчки стало возможно, вероятно, в связи с изменением геополитической обстановки (в конце 1943 г. состоялась Тегеранская конференция) и активной подготовкой открытия второго фронта.

Таким образом, совокупность документов, относящихся к диссертационному делу С. Я. Лурье 1944 г., позволяет выявить ряд тенденций в науке заключительного периода Великой Отечественной войны. Произошло некоторое ослабление идеологического давления, в результате чего, например, в рассмотренной диссертации традиционная для 1930-х гг. коммунистическая риторика и риторика классово-борьбы отсутствовала. Свои филологические поиски Лурье открыто демонстрировал как продолжение традиций дореволюционного антиковедения. Подход соискателя к анализу аттических трагедий, заключающийся в выявлении в них аллюзий на политические события V в. до н. э., вызвал критику одного из оппонентов — И. М. Тронского, который, охарактеризовав сделанные выводы как «гипотетические», однако, высказался за присуждение Лурье степени доктора. Поэтому данную диссертацию следует рассматривать как квалификационное сочинение, необходимое автору, вероятно, для реализации идеи перехода на филологический факультет. Не случайно сам труд так и остался неопубликованным.

Литература

- Dilthey, W. 2000: [Collected works in 6 volumes], ed. by A. V. Mikhailov and N. S. Plotnikov. Vol. 1. Transl. ed. by V. S. Malakhov. Moscow: Intellectual Book House.
- Дильтей, В. 2000: Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги.
- [From the Izhevsk archive of Elena (Nelly) Millior], in: *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 3, 3–103.
- Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор, в: *Вестник Удмуртского университета*, 3, 3–103.
- Karpyuk, S. G. 2021: [Politics and Science: Advances in the First Decade of “Vestnik Drevnei Istorii” (1937–1947)], in: *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury: al'manakh*, IX. Moscow: Sbranie, 377–390.

- Карпюк, С. Г. 2021: Политика и наука: передовицы в первое десятилетие существования «Вестника древней истории» (1937–1947 гг.), в: *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: альманах*, IX. Москва: Собрание, 377–390.
- Klyuev, A. I., Metel, O. V. 2022: [“A.V. Mishulin Usually Avoids the Beaten Tracks in His Scientific Work...”: A.B. Ranovich’s Review of A.V. Mishulin’s Doctoral Dissertation], in: *Vestnik drevnej istorii*, 4(82), 941–957.
- Клюев, А. И., Метель, О. В. 2022: «В своей научной работе А. В. Мишулин обычно избегает проторенных путей...»: отзыв А. Б. Рановича о докторской диссертации А. В. Мишулина, в: *Вестник древней истории*, 4(82), 941–957.
- Livshin, A. Ya., Orlov, I. B. 2007: [Preface], in: *Sovetskaja propaganda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: “kommunikacija ubezhdenija” i mobilizacionnye mehanizmy*. Moscow: ROSSPEN.
- Лившин, А. Я., Орлов, И. Б. Предисловие, в: *Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы*. М.: РОССПЭН.
- Luria, S. Ya. 1943: [Art form and issues of modernity in Attic tragedy]. Diss. ...doctor of Philology]. [Saratov].
- Лурье, С. Я. Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии. Дисс. ... докт. фил. наук. [Saratov].
- Luria, S. Ya. 1954: [On the question of the political struggle in Athens at the end of the fifth century (“Andromache” and “Lysistrata”)], in: *Vestnik drevnej istorii*, 3, 122–132.
- Лурье, С. Я. 1954: К вопросу о политической борьбе в Афинах в конце V века («Андромаха» и «Лисистрата»), в: *Вестник древней истории*, 3, 122–132.
- Luria, S. Ya. 1958: [The political trend of the tragedy “Eumenides”)], in: *Vestnik drevnej istorii*, 3, 42–54.
- Лурье, С. Я. 1958: Политическая тенденция трагедии «Евмениды», в: *Вестник древней истории*, 3, 42–54.
- Luria, Ya. S. 2004: [The story of one life]. Saint Petersburg: Izdatelstvo YeUSPb.
- Лурье, Я. С. История одной жизни. Санкт-Петербург: Издательство ЕУСПб
- Skvortsov, A. M. 2023a: [“Working at full speed here”: The Department of Classical Philology at the Leningrad State University in evacuation to Saratov (1942–1944)], in: *Philologia Classica*, 18 (1), 125–138.
- Скворцов, А. М. 2023а: «Работаем здесь полным ходом»: кафедра классической филологии ЛГУ в эвакуации в Саратове (1942–1944), в: *Philologia Classica*, 18 (1), 125–138.
- Skvortsov, A. M. 2023b: [The Revival of Russian Slavic Studies and the Dissertation Culture of the Soviet Historical and Scientific

Community 1941–1945], in: *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, 2, 152–161.

Скворцов, А. М. 2023b: Возрождение отечественного славяноведения и диссертационная культура советского историко-научного сообщества 1941–1945 гг., в.: *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*, 2, 152–161.

Skvortsov, A. M. 2024: [“We must study and honour those scientists who... brought Russian science to the first ranks”: the defence of the thesis on V. G. Vasilievsky by N. S. Lebedev in 1943], in: *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(2). In press.

Скворцов, А. М. 2024: «Мы должны изучать и почитать тех ученых, которые... выдвинули русскую науку на первые ряды»: защита диссертации о В. Г. Васильевском Н. С. Лебедевым в 1943 г., в: *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*, 26 (2). В печати.

Zhmud L. Ya. 2016: [S. Ya. Luria as a historian of science], in: Luria S. Ya. *Izbrannye raboty po istorii nauki*, ed. by L. Ya. Zhmud. Saint Petersburg: RKhGA.

Жмудь, Л. Я. С. Я. Лурье как историк науки, в: Лурье С. Я. *Избранные работы по истории науки*, под ред. Л. Я. Жмудя. Санкт-Петербург: РХГА.